

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 2:327.3(594) «20»

Воронин С.А.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО И ИСЛАМСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ИНДОНЕЗИИ (КОНЕЦ XIX – 1-ая ПОЛ. XX в.)

S. Voronin

People's Friendship University, Moscow

ON THE FORMATION OF A SECULAR AND ISLAMIC NATIONALISM IN INDONESIA (THE END OF THE NINETEENTH CENTURY – 1ST HALF OF THE XXTH CENTURY)

Аннотация. Статья посвящена проблеме генезиса и развития идеологии национализма в Индонезии. Автор рассматривает два основных вектора развития этого явления: светский и религиозный. В статье анализируется официальная колониальная политика Нидерландов, так называемый «этический курс», как один из катализаторов формирования индонезийского национализма. Выявляются причины радикализации позиций новой интеллигенции. Пристальное внимание автор уделяет изучению взглядов Раден Картини, идеологии национально-освободительного движения организаций: «Высокая цель» и «Мусульманский союз». Автор делает акцент на социально-экономической трансформации Индонезии, сыгравшей важную роль в формировании индонезийской самоидентичности.

Ключевые слова: Дипонегоро, Сарекат ислам, Буди Утомо, «этический курс», народная армия.

Abstract. The article is devoted to the problem of the genesis and development of the ideology of nationalism in Indonesia. The author examines the two main vectors of this phenomenon: secular and religious. This article analyzes the official colonial policy of the Netherlands, the so-called “ethical course”, as one of the catalysts for the Indonesian nationalism formation. The author identifies the causes of radicalization of the new intelligentsia’s stand. Close attention is paid to the study of Raden Cartini’s views, to the ideology of the national liberation movement organizations: “The idealistic purpose” and “Muslim Union.” The author focuses on the socio-economic transformation of Indonesia, which played an important role in the formation of Indonesian self-identity.

Key words: Diponegoro, Sarekat Islam, Budi Utomo, “ethical course,” the people’s army.

Процесс национальной интеграции Индонезии берет начало на рубеже XIX–XX вв. В качестве основных идейных катализаторов этого процесса (помимо объективных социально-экономических причин) выступили стремление к созданию общеиндонезийского национально-языка (им стал малайский, который использовался всеми этносами архипелага, в качестве второго языка для межличностного общения) [1, с. 30], возникновение и употребление в литературе и прессе топонима «Индонезия» («Островная Индия») в качестве наименования будущего национального независимого государства [6, с. 52].

© Воронин С.А., 2013.

Носителями новых идеологических взглядов в начале XX в. стала новая интеллигенция, сформировавшаяся в Индонезии в результате введенного голландцами в 1901 г. «этического курса».

В 1899 г. была опубликована статья журналиста В.К. ван Дедема, в которой он обвинял Нидерландцы в ограблении Индонезии и требовал возврата ей «долга чести» – 187 млн. гульденов. На общественность также оказали воздействие взгляды социал-демократа Г. ван Коля и журналиста П. Броосхофта, являвшегося автором термина «этический курс». После выборов 1901 г. «этический курс» стал официальной колониальной политикой. Декларировались следующие основные задачи: улучшение материального положения туземного населения, децентрализация управления, развитие образования и здравоохранения [6, с. 46-47].

Новая интеллигенция архипелага не была идейно встроена в структуру колониального общества, в отличие от своих предшественников – бюрократов-интеллигентов, интегрированных в колониальную иерархию. Несмотря на введенный Нидерландами «этический курс», расовая дискриминация и поражение в правах ощущались новым поколением повсеместно. Это привело к радикализации позиций новой интеллигенции.

Личностью, заложившей фундаментальные основы национального движения в Индонезии, стала Раден Картины (1879-1904 гг.). Она резко критиковала феодальные нравы и отношения, выступала против телесных наказаний, была сторонницей эмансипации. Картины считала, что путь к решению всех проблем индонезийского общества лежит через просвещение и образование. Однако её взглядам была свойственна утопическая идеализация режима метрополии. Подразделяя колонизаторов на «хороших» и «плохих», она видела будущее страны в создании «ассоциации» голландцев и местного населения. Её идеи оказали значительное влияние на становление национального самосознания [2, с. 103-132].

Первой светской организацией национально-освободительного движения в Индо-

незии стала «Буди Утомо» («Высокая цель»), созданная выпускниками медицинского училища в 1908 г. [5]. Основным видом их деятельности была культурно-просветительская. Они выступали против регионального национализма, официальным языком их прессы был малайский. Однако умеренный национализм либеральных кругов не мог стать механизмом решения кардинальных проблем колониальной Индонезии. Радикализация национально-освободительного движения выразилась в создании в 1912 г. Индийской партии, которая стала трибуной светского национализма. Индонезийские светские националисты никогда не занимали атеистические позиции. Такая традиция свойственна светскому национализму в исламском мире в целом. Но исламская ортодоксия не являлась доминантой их идеологии. При этом они всегда подчеркивали уважение исламской культурной традиции. Радикальные националисты стремились к консолидации всех этнических групп Архипелага вне зависимости от их религиозной принадлежности. Они осознавали, что путь к независимости лежит через активное массовое движение. Они обращались к традиционному массовому сознанию, с присущим ему комплексом ценностей эгалитарного характера. Индийская партия апеллировала к великому прошлому яванской империи, призывала ликвидировать «комплекс неполноценности» и «дух рабства». В своих выступлениях они напоминали о героизме Дипонегоро и участников Яванской войны [4, с. 133-134]. Мирозренческой парадигмой лидеров движения были эклектические взгляды. Это была гремучая смесь марксизма, восточной теософии, идеализма, противопоставляемого материалистическому Западу. Индийская партия полностью отвергала апелляцию к исламской идеологии, не выдвигала конкретной программы и, оставаясь узколокальной организацией, не сумела стать массовой. Она просуществовала до 1913 г., после чего её лидеры объявили о самороспуске.

Взгляды светских националистов были чужды и непонятны населению архипелага.

Излишний интеллектуализм, апелляция к ассоциации с колонизаторами и к конвергенции культур не могли вызвать отклик в сердцах индонезийцев. Они нуждались в направляющей силе, способной консолидировать их на базе традиционных и религиозных лозунгов. Такой организацией стал Мусульманский союз (Сарекат Ислам), созданный в 1912 г. Количество его сторонников быстро росло, с 66 тыс. чел. в августе 1912 г. до 360 тыс. чел. в апреле 1914 г. [8, с. 39-40]. Мусульманский союз превращался в ведущую силу национально-освободительного движения. Периферийность индонезийского ислама сформировала запоздалую реакцию на изменения, происходившие в центре исламской цивилизации. Это приводило к интерпретации и модификации процессов, идущих в мусульманском мире, на базе индонезийской самоидентичности. Социально-экономическая трансформация в Индонезии в конце XIX – нач. XX вв. сформировала базу для создания идеологии мусульманского национализма. Его идейными предпосылками, прежде всего, выступали призыв к джихаду с колонизаторами-иноверцами, прозвучавшими в Яванской и Ачехской национально-освободительных войнах, к возрождению великого прошлого времен империи Маджапахит. Вся эта социально-политическая ностальгия была помещена в исламскую оболочку, которая трансформировала память о прошлом в призыв к практическому действию. Индонезийскому населению и в XIX – начале XX вв. были близки патриархально-родовые ценности раннего ислама. Однако идеализация средневекового уклада и нравов не могли стать механизмом к решению проблем индонезийского общества начала XX в. Поэтому, как отмечает А.Б. Беленький, «для того, чтобы мусульманский национализм мог возникнуть, необходимо было ... приспособление ислама к нуждам буржуазного развития и освободительной борьбы. Зарождавшаяся национальной буржуазии нужна была религия, которая не освящала бы отставание Востока от Запада, а наоборот, способствовала капиталистическому развитию и отвечала требованиям последнего» [3, с. 192-193].

Сравнительно позднее оформление идей мусульманского национализма в Индонезии связано и с тем, что модернистские концепции М. Абдо и Р. Рида, проникнутые духом буржуазного развития, довольно поздно проникли в Индонезию в силу её отдаленности от культурных центров исламского мира. Лишь в 1905 г. в Батавии была создана первая исламистская организация молодого поколения модернистов («каум муда»), последовательно выступавших за концепцию иджитхада, за признание ценности прав личности, индивидуальности жизненного выбора

Представители «каум муда» и являлись формирующейся индонезийской буржуазией [7, с. 16]. Модернисты понимали необходимость заимствования научно-технических знаний Запада. Это осознание делало их лояльными по отношению к метрополии. Традиционное массовое сознание индонезийцев, как уже отмечалось, не принимало такого подхода.

Лидеры традиционной мусульманской оппозиции выступали с антивестернизированными лозунгами, призывали к возрождению духа раннего ислама, к созданию всемирной уммы [7, с. 18]. Религиозно-исламская риторика в процессе формирования общинно-индонезийской нации приводила к созданию идеологии мусульманского национализма, ставшего идейной платформой Мусульманского союза.

В противоборстве за идеологическое лидерство в массах в начале XX в. уверенную победу над секулярными течениями одержал исламский национализм. «Лозунг единства мусульман означает ... призыв к объединению основной массы населения против поработителей – христиан и объективно носил не столько религиозный, сколько политический характер», – характеризуют идеологическую ситуацию в Индонезии начала второго десятилетия XX в. А.Ю. Другов и А.В. Тюрин [6, с. 62].

В развитии мусульманского национализма в колониальный период выделяется 2 этапа:

– 10-е годы XX в. Мусульманский национализм формируется как идеология;

– 20-е – нач. 40х гг. XX в. В этот период происходит идейный раскол в рядах Мусульманского союза. Из него исключаются «левые» элементы. Доминантой становится панисламизм [7, с. 20].

Борьба за национальную независимость, против феодальных порядков, анахронизмов стали прерогативами мусульманского национализма. Мусульманским националистам удалось, используя исламскую догматику, примирить модернистов и возрожденцев. Используя догмат о единобожии (таухид), об уповании на волю Бога (таваккал), о предопределении (такдир), мусульманские националисты экстраполировали их на земную жизнь, пытались разбудить национальное самосознание и достоинство личности. Опираясь на догмат о равенстве всех членов мусульманской уммы перед Богом, они приходили к идее национального равноправия. Говоря о синтезе исламских ценностей с материальными достижениями западной цивилизации, они надеялись, по замечанию А.Б. Беленького, «овладеть знаниями и богатством и с их помощью улучшить свое положение» [3, с. 197].

I и II Национальные конгрессы Сарекат Ислама, состоявшиеся в июне и в октябре 1917 г. показали значительные успехи мусульманского национализма в Индонезии. На форумах Мусульманского союза, начиная с I конгресса, раздавались призывы к мусульманскому социализму. В 1918 г. был сформирован специальный комитет для «изучения основ социализма в исламе» [6, с. 69-86].

Лидеры Сарекат Ислама У. Чокроаминото и А. Салим выступали за гражданские свободы, за выборный принцип власти. Популярными становятся концепции о демократии, заложенной в исламе, заимствованные из учений мусульманских просветителей. Мусульманские националисты резко осуждали взгляды о якобы политической незрелости индонезийцев.

Интерпретируя мусульманский догмат о «риба» (порицании ростовщичества), они сумели начать встраивать традиционное и неравномерно исламизированное общество в

буржуазные отношения. Тяжким грехом являлась, согласно их взглядам, лишь предпринимательская деятельность иностранцев, национальная, индонезийская – лишена греха, поскольку находится под сенью ислама. А в силу того, что основной бизнес в Индонезии в первой половине XX в. принадлежал иностранным компаниям, было стратегически выгодно использовать догмат о «риба» против них.

Мусульманские националисты выступали против классовой борьбы среди мусульман, братьев по вере. Достижение независимости воспринималось как осуществление социально-политического идеала. Окончательная победа ислама повлечет за собой и национальное освобождение, и преодоление социально-экономических противоречий.

Начало 20-х гг. XX в. обозначило серьезные противоречия среди лидеров Сарекат Ислама. В этот период У. Чокроаминото разработал концепцию «народного государства» Индонезии. Он критиковал западную демократию, утверждая, что демократическая теория и практика на Западе все более отдаляются друг от друга. Только «народная армия», стоящая на страже народных интересов, может обеспечить демократические народные права. А. Салим выступал за соблюдение покорности и поддержания мира. Несмотря на сохранение единой цели антиколониальной борьбы, различие подходов в её достижении становилось у Чокроаминото и Салима всё очевиднее. Чокроаминото выступал за консолидацию всех угнетенных мусульман против колониализма и феодальных пережитков. Салим призывал к интернациональной интеграции имущих слоев исламского мира [7, с. 27-28].

В 30-е гг. XX вв. Индонезии все активнее развиваются капиталистические отношения. Буржуазия и разночинные слои дистанцируются от идей мусульманского национализма, симпатизируя теории мархаэнизма Сукарно, предтечей которого было учение Деванторо.

Эпигонами Индийской партии стали Инсулинде (1913-1919 гг.) и Национальная индийская партия (1919-1923 гг.). Их идеологом

стал Ки Хаджар Деванторо (Суварди Сурьянинграт). Он ратовал за «культурный национализм» общеиндонезийского плана. Деванторо выступал за «конвергенцию культур» на базе синтеза «индонезийской самобытности» и современных научных достижений Запада. Приоритет отдавался индонезийской самобытности. Идеал устремлений Деванторо – гармоничное общество свободных личностей, в котором отсутствуют эксплуататоры и эксплуатируемые. Все осознают свой общественный долг, «каждый и слуга, и господин». Он отвергал классовую борьбу, как дезинтегрирующую социальный консенсус. В его общественно-политической модели всегда главенствовал принцип «демократии семьи», основой которой является подчинение младших старшим. Абсолютная гармония существует и в отношениях между массами и лидерами [9, с. 4]. Выступая против «главных причин духовной смуты» в Индонезии (западные ценности общества достижения – индивидуализм, материализм и рационализм), Деванторо считал, что необходим диалог цивилизаций, конвергенция культурных ценностей. По его мнению, следует использовать социокультурные, политические и экономические достижения и Востока, и Запада, переосмысливая и перемалывая их на фундаменте «индонезийской самобытности» [10, с. 12].

Учение Деванторо оказало значительное влияние на формирование взглядов будущего лидера независимой Индонезии – Ахмеда Сукарно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. – М., 2007. – 434 с.
2. Беленький А.Б. Картины – дочь Индонезии. – М., 1967. – 129 с.
3. Беленький А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. – М., 1965. – 212 с.
4. Беленький А.Б. Роль традиционных элементов массового сознания в идеологии светских националистов (на примере Индонезии) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. 129-139 с.
5. Гневушева Е.И. «Буди Утомо» // Советское востоковедение. – 1958. – № 5. – С. 65-67 с.
6. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии XX в. – М., 2005. – 453 с.
7. Ионова А.И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии (1945-1965). – М., 1972. – 267 с.
8. Dahm B. History of Indonesia in the 20-th century. – L., 1971. – 566 p.
9. Ki Hadjar Dewantara. – Pranata, Djakarta, 1959. – 331 p.
10. Ki Hadjar Dewantara. Some aspects of national education & The Taman Siswa Institute at Jogjakarta // Indonesia. – 1967. – № 4. 32–33 p.